

История канонизации святых на Руси писалась несколько раз, но так и осталась ненаписанной¹. Эти начинания породили, тем не менее, определенные стереотипы научного и массового сознания. Представляется, что причины как одного, так и другого явления кроются в неисторичной постановке самой проблемы. Агиологический процесс в Древней Руси, сущность которого составляют прижизненное и посмертное почитание выдающихся членов исторического социума как святых, сводился к истории санкционирования этого почитания со стороны церковной и государственной власти. Вместе с тем эта властная санкция видоизменяла свои формы во времени. Так, ничего не известно об участии Вселенского престола в канонизации князей Бориса и Глеба (1019, 1030, 1072 и 1115 гг.) и преподобного Феодосия Печерского (1108). При активной роли древнерусского князя источники рисуют нам скорее скептическое отношение к первым русским святым со стороны греческой иерархии².

В то же время знакомство с византийской и древнерусской практикой убеждает нас в том, что в эпоху средневековья право канонизации, состоявшее в санкционировании уже возникшего почитания подвижника благочестия, внесении дня его памяти в синодик-менологий и благословении на создание посвященных ему икон и гимнографических произведений, принадлежало местному епархиальному архиерею, а не главе поместной церкви, будь то митрополия или же патриархат³. Известные по источникам прецеденты складываются в стройную систему. Празднование святителю Леонтию Ростовскому было установлено епископом Иоанном (1190)⁴. Служба святителю Илье-Иоанну и князьям-строителям Софийского собора была учреждена архиепископом Евфимием в 1439 г.⁵ В 1486 г. архиепископ Геннадий (Гонзов) дает поручение игумену Памфилу написать икону преподобного Ефросина Псковского и его житие⁶. В отношении митрополита Петра санкция патриарха Иоанна Калеки (1334-1347), полученная в ответ на запрос митрополита Феоноста в 1339 г.⁷, должна объясняться особым статусом святого как киевского митрополита, непосредственно подчинявшегося вселенскому престолу. При этом различия между «общецерковными» и «местночтимыми» святыми представляются до определенного времени весьма искусственным. По каналам общественных и культурных связей чествование местного подвижника становилось частью богослужебной жизни в других русских землях. «Общецерковное почитание» было связано не с санкцией главы митрополии, а с известностью конкретного святого.

На этом фоне соборы св. митрополита Макария 1547 и 1549 гг. выглядят качественно новым явлением в истории канонизации святых на Руси. В отечественной историографии считается, что с этого времени данный вопрос стал подлежать соборному суждению всей церкви и санкции ее митрополита⁸. Списки святых, прославленных в 1547 и 1549 гг., как реальные, так и гипотетические, стали в науке общепризнанным фактом. Совсем недавно эти соборы стали фактом иконографии⁹. Однако анализ отечественных исследований по вопросу о «канонизационных соборах 1547 и 1549 гг.» в контексте современных возможностей источниковедения наглядно показывает, как «факт историографии» становится «фактом истории».

Впервые на собор 1547 г. обратил внимание Н.М. Карамзин, которому был известен лишь один список соборных деяний по рукописи Волоколамского собрания¹⁰. Историк не вышел за пределы словоупотребления источника, сообщив об учреждении службы уже известным святым. В 1836 г. в научный оборот была введена соборная грамота 26 февраля 1547 г., направленная в Вологодскую и Белозерскую десятину митрополичьей епархии¹¹. Архиепископ Филарет (Гумилевский) уже пользовался обоими списками. Отмечая присущие им разночтения, он также усмотрел смысл события в литургической реформе, реконструируя деяния собора 1549 г. лишь на основании данных Стоглава¹².

Митрополит Макарий (Булгаков) изначально оценивал соборные деяния 1547-1549 гг. как установление богослужебного празднования святым во всероссийском масштабе. Однако впоследствии он все же написал о «причтении к лику святых» подвижников благочестия¹³. Впервые в историографии утверждается мысль об обязательности высшей церковной санкции для почитания святых: «местные чествования, как не утвержденные высшей властью в русской церкви – властью митрополита и собора, не могли иметь полной законности и полной обязательности для православных»¹⁴.

Отсутствие в источниках «канонизационного списка» 1549 г. заставляет исследователя реконструировать его на основании косвенных данных. Он восстанавливается Макарием следующим образом: святые митрополиты Киприан и Фотий; святители Новгородские – Никита, Евфимий и Иона, Ростовские – Леонтий, Исаия, Игнатий и Иаков, Стефан Пермский, мученики Михаил и Феодор Черниговские, преподобные Авраамий и Исидор Ростовские, Варлаам Хутынский, Кирилл Белозерский, Никита Переславский и др. Это явствует из факта упоминания этих святых царем и митрополитом вскоре после собора и внесения их имен в месяцесловы¹⁵. Однако позднее митрополит Макарий (Булгаков) согласился с выводами В.О. Ключевского¹⁶.

Именно Ключевский ввел понятие «канонизация святых» в отношении деяний соборов 1547-1549 гг.¹⁷ Для реконструкции списка святых 1549 г., «канонизированных» этим собором, он прибег к арифметическим действиям. В составе «Особой редакции» жития св. митрополита Ионы находится общий список подвижников благочестия, которым было установлено литургическое празднование при митрополите Макарии (1542-1563). Достаточно «вычсть» из него имена Волоколамской редакции грамоты собора 1547 г., чтобы получить искомый «канонизационный список 1549 г.»: Евфимий и Иона Новгородские, Стефан Пермский, Иаков Ростовский, Всеволод – Гавриил Псковский, Михаил Тверской, Савва Сторожевский, Евфимий Суздальский, Авраамий Смоленский, Савва Вишерский, Ефросин Псковский, Ефрем Перекомский, Григорий Пельшемский, Максим Московский, Антоний, Иоанн и Евстафий Виленские, а так же двое сербских святых. Методические и источниковедческие достоинства такой «духовной арифметики» представляются весьма сомнительными. В конце концов, ниоткуда не следует, что празднование этим святым было установлено именно в этом году, как вообще ниоткуда не следует, что для учреждения литургического празднования с середины XVI в. был необходим созыв собора. Однако отечественная историография восприняла этот «список» без должного критического осмысления.

Словно признавая недостаточность избранного им источниковедческого приема, В.О. Ключевский предлагает включить в этот перечень святителя Нифонта Новгородского, св. Петра Ордынского, а так же преподобных Ферапонта и Мартина Белозерских, на основании косвенных свидетельств об учреждении им службы в конце 1540-х – начале 1550-х годов¹⁸. К тому же историк справедливо отмечал, что список святых, канонизированных на соборе 1547 г., в житии святителя. Ионы представлен не полностью: там нет преподобных Михаила Клопского, Дионисия Глушицкого и Павла Обнорского¹⁹. Оценивая историческое значение соборов, исследователь утверждает, что с этого времени церковное признание святости становится делом общего собора русской церкви, а не местной епархиальной власти²⁰. Причины такой канонизации носят чисто умозрительный характер: Московская Русь как хранилище православия должна обращать пристальное внимание на отечественных святых²¹.

Труд Н. Лебедева о св. митрополите Макарии важен введением в научный оборот еще одной редакции грамоты собора 1547 г. из собрания Троице-Сергиевой лавры²². Сочинение В. Васильева мало что вносит в историографическое наследие интересующего нас вопроса²³. Однако последняя точка в возможной дискуссии о содержании соборов была поставлена Е.Е. Голубинским.

Процедурное новшество «канонизационных соборов» он пытается перенести уже и на предшествующую эпоху, предполагая, что существовал царский или митрополичий указ об общецерковном прославлении 15-ти русских святых, которые уже почитались к 1547 г.²⁴ Если список святых 1547 г. признается в его максимальном составе²⁵, то «список» 1549 г. восстанавливается гипотетически с помощью уже известной «духовной арифметики»²⁶. Этот перечень дословно повторяет то, что было сделано В.О. Ключевским и скорректировано Н. Лебедевым. По сути дела, ничего принципиально нового в исследование проблемы соборов сочинение Е.Е. Голубинского не внесло, лишь «канонизировав» сложившееся к этому времени историографические представления. Сегодня это мнение поддержано архимандритом Макарием (Веретенниковым), уточнившим конкретную дату проведения соборов и их состав²⁷.

Основываясь на подобных представлениях, А.В. Карташев писал, что св. митрополит Макарий созвал соборы 1547-1549 гг. с целью «канонизации» русских угодников, исходя из понимания «особого положения русской церкви во Вселенной» и «свершившегося факта политического объединения Руси»²⁸. Упрощение этой идеи позволило ряду историков, в частности А.С. Хорошеву, утверждать исключительно политико-централизаторский характер церковных мероприятий Макария²⁹. Несколько особняком стоит мнение П.Е. Ковалевского, который определил характер деяний соборов 1547-1549 гг. как широкую литургическую реформу³⁰.

Однако за прошедшее столетие состояние источниковой базы существенно изменилось. В 1888 г. И. Туберозов обнаружил ранее неизвестный список соборной грамоты 1547 г., адресованный архиепископу новгородскому Феодосию, который в 1910 г. был опубликован Г.З. Кунцевичем³¹. В 1929 г. был издан единственный летописный источник по данному вопросу – погодная статья Новгородской четвертой летописи по списку Н. Никольского от 1 февраля 1547 г.³² Еще один список был введен в научный оборот Н.Н. Покровским в 1971 г. в связи с публикацией судных списков Максима Грека и Исаака Собаки³³. Новый текст грамоты в виде «указца» Обиходника XVI в. из собрания Кирилло-Белозерского монастыря был недавно обнаружен и опубликован архимандритом Макарием (Веретениковым)³⁴. На сегодняшний день существуют 7 редакций соборного указа 1547 г., различия которых сведены в соответствующую таблицу.

В последнее время Б.М. Клосс попытался вовлечь в круг источников по истории соборов месяцеслов Устава из собрания ГИМ Син. № 336. Исследователь достаточно остроумно датировал рукопись июлем – августом 1548 г. и предположил, что месяцеслов возник между соборами 1547 и 1549 гг.³⁵ Избыточное количество имен по сравнению со списками собора 1547 г. объяснимо, по его мнению, только фактом проведения еще одного «канонизационного» собора в период между мартом 1547 г. и августом 1548 г.³⁶

Вместе с тем, знакомство с месяцесловом позволяет прийти к заключениям иного рода. По сравнению с известными редакциями грамоты собора 1547 г. здесь отсутствуют 5 из 14-ти «общерусских» святых: Александр Невский, Александр Свирский, Савватий Соловецкий, Михаил Клопский и Никита Новгородский, а также 2 из 9-ти «местночтимых» святых: Арсений Тверской и Иоанн Устюжский. Из числа святых, которые, как полагают, были канонизированы собором 1549 г., здесь уже «досрочно» присутствуют Иаков Ростовский, Евфимий Новгородский, Евфимий Суздальский, Стефан Пермский, Авраамий Смоленский, Ефрем Перекомский и Виленские мученики, т.е. 9 из 16-ти. В этом же списке есть святые, которые не упомянуты ни в деяниях собора 1547 г., ни в реконструкции соборного списка 1549 г.: Ефрем Смоленский, Николай Кочанов и Ефросиния Суздальская³⁷.

Представляется, что предпринятая Б.М. Клоссом попытка расширить источниковую базу изучения Макариевских соборов может быть оспорена по ряду причин. Во-первых, необходимо отказаться от историографической тенденциозности, предполагающей, что начиная с 1547 г. любое изменение в месяцесловах должно иметь соборную санкцию. Во-вторых, представляется методологически неверным совместный анализ различных видов источников без учета их источниковедческой специфики. Такими принципиально различными видами нам представляются, с одной стороны, редакции соборных грамот 1547 г., и, с другой стороны, номенклатура месяцесловов рукописных сборников. Если в первом случае исследователь имеет дело с искусственной выборкой имен, то состав святцев складывается естественным образом, в результате распространения почитания святых, обусловленного религиозными и социокультурными связями, личным и коллективным предпочтением и т.д. Вместе с тем, объективность некоторых выводов, лежащих на поверхности сопоставления разных групп текстов, представляется очевидной. В первую очередь, к таким выводам относится тот факт, что месяцесловы, современные соборам 1547-1549 гг. и последующего времени, демонстрируют весьма незначительную степень зависимости своего состава от соборных решений³⁸.

Непосредственное знакомство с источниками, повествующими о соборах 1547-1549 гг., заставляет нас заново вернуться к реконструкции соборных деяний и оценке их последствий, пересмотрев до некоторой степени методологический и терминологический инструментарий. Анализ редакций грамоты 1547 г. позволяет сделать вывод о возможности дополнения

соборного решения по мере подготовки новых литургических и агиографических текстов. Считаем изначально минимальный по количеству имен список Кирилло-Белозерского обиходника³⁹. Отсутствие в этом тексте с характерным названием «Сий указ новым чудотворцем на кийждо день указася коемуждо празновати» каких либо предуведомлений в отношении состава собора 1547 г. и его деяний, предположительно свидетельствует о его непосредственной связи с канцелярией собора, состоявшегося 1-2 февраля. Текст «указа» мог появиться еще до того, как на основе соборного решения была составлена известительная грамота 26 февраля.

Остальные редакции демонстрируют в целом единство основной части списка, к которому первоначально стоит отнести 10 имен: святители Иона Московский, Иоанн Новгородский, преподобные Пафнутий Боровский, Никон Радонежский, Макарий Колязинский, Зосима Соловецкий, Павел Комельский, Дионисий Глушицкий, Александр Свирский и Александр Невский. Вероятнее, что избыточные по сравнению с изначальному списку имена включались в соборное деяние по мере установления им богослужебного празднования или «испытания» жития уже после закрытия собора 1547 г., а не вычеркивались из первоначального списка. Включение этих имен в текст соборных деяний объясняется тем, что дальнейшая деятельность в этом направлении понималась как исполнение решений собора. Полагаем, что таким образом между 1 и 26 февраля в редактируемый текст соборной грамоты были внесены имена Савватия Соловецкого и Михаила Клопского.

Факт созыва собора о «новых чудотворцах» в 1549 г. засвидетельствован IV главой Стоглава, являющейся единственным надежным источником для реконструкции событий. «Семнадцатым годом возраста царского», т.е. 1547 г., датируется поручение великого князя, данное им епископату об «испытании и обыске» новых чудотворцев. Исполнение этого поручения и обусловило созыв собора в 19-й год жизни царя, т.е. в 1549 г. Царская речь ничего не сообщает о каких-либо святых, «канонизированных» на этом соборе. Характер архиерейского синода предстает здесь совершенно иначе. Собранные в Москву святители «каноны новых чудотворцев, жития их и чудеса на соборе полагают и свидетельствуют ... и предают церквам Божиим пети и славити и празновати»⁴⁰.

Представляется, что попытки реконструировать деяния собора 1549 г. по аналогии с известиями о синоде епископов 1547 г. нельзя признать состоятельными, оставаясь на строго научных позициях. Более того, метод Ключевского-Голубинского, в соответствии с которым гипотетический список собора 1549 г. получается методом исключения святых собора 1547 г. из общего списка «Особой редакции» жития св. митрополита Ионы, также некорректен хотя бы потому, что перечень жития оказывается неполным. Очевидно, что основной целью собора 1549 г. был церковно-богослужебный анализ тех текстов, которые должны были войти в литургический обиход после 26 февраля 1547 г. Нельзя исключить возможность того, что на соборе 1549 г. могли рассматриваться богослужебные и житийные тексты в честь каких-либо иных святых. Однако отсутствие среди доступных нам источников какого-либо намека на соборную грамоту 1549 г., аналогичную спискам 1547 г., позволяет согласиться с мыслью, что ее не существовало вовсе.

Для того, чтобы по достоинству оценить роль и значение соборов 1547-1549 гг. в истории русской агиологии, необходимо принять во внимание три вещи. Во-первых, соборы, как это явствует из словоупотребления источника, не занимались ни «причитанием подвижников благочестия к лику святых», ни их «канонизацией». Святость этих подвижников в соборных деяниях и царском поручении не подвергается ни малейшему сомнению, поскольку «новых чудотворцев», которым устанавливается соборная служба, Бог уже прославил «многими и различными чудесы и знаменами»⁴¹. О давнишнем почитании большинства из них определенно свидетельствуют как факты обретения мощей, так и существование агиографических произведений⁴². Единственным затруднением церковной жизни, которое стояло перед отцами собора, было то, что «не бе им до днесь соборного пения»⁴³.

Очевидно, до определенного момента в истории русской церкви свидетельства источников об обретении останков усопшего подвижника, существование жития, гимнографических и иконографических произведений, посвященных ему, и упоминание его имени в месяцесловах могут рассматриваться как необходимые и достаточные указания на свершившуюся

канонизацию, которая включает в себя как предшествующую традицию народного почитания, так и соответствующую санкцию местного епископа.

Отказываясь говорить о соборах 1547-1549 гг. как соборах «канонизационных», мы имеем в виду, что их деяния нельзя рассматривать как причтение подвижников благочестия к лику святых. Суть соборного деяния 1547 г. раскрывается такими словами известительной грамоты как «установили есмя ныне празновати новым чудотворцам», «установихом празновати соборне по прежеуложенному уставу», «пети и празновати повсюду»⁴⁴. Попытку представить учреждение соборного богослужения в честь «новых чудотворцев» как канонизацию, признание их святости, нельзя расценить иначе, как насилие над источником. В связи с этим, характер соборных деяний 1547-1549 гг. мы рассматриваем, вслед за Н.М. Карамзиным, архиепископом Филаретом (Гумилевским) и П.Е. Ковалевским, как литургическую реформу, суть которой состояла в упорядочении древнерусского богослужения, устройении уставной соборной службы в честь «новых чудотворцев» и введении в церковный обиход новых литургических и агиографических произведений.

Изложенные выше наблюдения помогают понять, по какому принципу формировался список святых 1547 г. В историографии можно выделить три основные версии. Первая из них утверждает, что список формировался на основе личных симпатий митрополита Макария⁴⁵. Согласно второй прославление конкретных святых было связано с наличием у отцов собора «необходимых материалов» в отношении этих лиц – агиографических свидетельств и литургических текстов, на основании которых они могли вынести свой приговор⁴⁶. По третьей версии, набор святых был призван закрепить на религиозном уровне политическую централизацию государства⁴⁷. В силу этого причины литургической реформы оказываются, по существу, оторванными от современных им культурно-исторических и религиозных процессов.

Однако стоит обратить внимание, что список святых 1547 г. практически идеально совпадает с маршрутом царских богомолий и походов 1543-1552 гг. (8-20 декабря 1543 г. – Боровск⁴⁸, 3 марта 1544 г. – Калязин⁴⁹, 21 мая – 7 июля 1545 г. – Троице-Сергиев, Переславль, Ростов, Белоозеро, Вологда, Прилука, Комла, Обнора, Устюг⁵⁰, 15 сентября – 12 декабря 1546 – гг. Троице-Сергиев, Волок, Ржева, Новгород, Псков, Тихвин⁵¹, 24 ноября 1550 г. – Владимир⁵², 13 июля 1552 г. – Муром⁵³). Практически все святые, которым было установлено соборное пение, оказались так или иначе охвачены царскими маршрутами: Пафнутий Боровский, Макарий Калязинский, Никон Радонежский, святыни Ростова и Переяславля, Павел Комельский, Дионисий Глушицкий, Прокопий и Иоанн Устюжские, Иоанн Новгородский, Михаил Клопский (возможно, и почитавшиеся в Новгороде соловецкие преподобные), Александр Невский, Константин, Феодор, Михаил, Петр и Феврония Муромские. Очевидно, паломничество царя выявило тот факт, что богослужение почитаемым русским святым не было представлено «соборным пением» прежде всего в самой Москве. Исправлению противоречия между всероссийской значимостью этих святых и отсутствием общецерковного богослужения и были посвящены соборные мероприятия митрополита Макария, инициатива которых могла принадлежать молодому царю.

Во-вторых, необходимо принять во внимание отсутствие упоминаний в источниках о подобных соборах во второй половине XVI-XVII вв. несмотря на то, что состав месяцеслов продолжал пополняться русскими святыми. Очевидно, соборы св. митрополита Макария создали лишь прецедент, а не новую практику в области устройства богослужебного чествования «новых русских чудотворцев». Объявив известительной грамотой о своих деяниях в отношении 12-ти русских святых, собор тем самым сформировал определенную процедуру, связанную с изучением жития, чудес и истории почитания, и придал необходимый импульс агиографическому и гимнографическому творчеству, происходящему на местах. Дальнейшее включение нового празднования в литургический календарь уже не требовало соборной санкции, как это хорошо показывает церковная история второй половины XVI-XVII в. Очевидно, процесс прославления новых святых продолжал оставаться в компетенции епархиального архиерея, однако теперь существовала установленная собором процедура «испытания». Именно так в 1572 г. новгородским архиепископом Леонидом были канонизированы праведные Иаков Боровичский и дева Гликерия⁵⁴.

Централизаторские тенденции в общественно-политической жизни Московской Руси, конечно же, должны были находить свое отражение и в области жизни церковной, однако религиозное общество продолжало развиваться по своим внутренним законам. Не исключено, что в намерения св. митрополита Макария входили определенные планы, связанные с унификацией церковной культуры вообще и осуществлением прямой юрисдикции митрополита в различных областях епархиальной жизни⁵⁵. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Именно в деле почитания святых черты соборного строя, связанные с регулированием подобных вопросов местным священноначалием и церковно-общественным мнением, сохранялись дольше всего.

В-третьих, как мы отметили выше, святцы рукописных сборников этой эпохи демонстрируют лишь некоторую степень зависимости от соборных решений. Насколько была глубока и основательна рецепция соборных деяний массовым церковным сознанием? Представляется, что на этот вопрос можно ответить, анализируя степень проникновения в русскую иконографию образов «новых русских чудотворцев». Однако иконография большинства святых, утвержденных к общецерковному празднованию митрополитом Макарием, если и представлена в русской культуре второй половины XVI в., то единичными образцами, связанными прежде всего с местными центрами их почитания. Исключения составляют, пожалуй, лишь преподобные Зосима и Савватий Соловецкие и Александр Свирский⁵⁶. Установление общероссийской службы почти 40 святым в середине XVI в. не вызвало революции в содержании русского искусства. Среди сюжетов произведений продолжают преобладать образы святых, почитание которых было традиционно для этих мест в предшествующее время⁵⁷.

Итак, характер соборов 1547-1549 гг. необходимо охарактеризовать не как «канонизационный», а как «литургический». Историография XIX в., посчитавшая деяния собора канонизацией, находилась под влиянием стереотипов синодальной эпохи, которые предусматривали властную санкцию во всех областях проявления духовной жизни. Учреждение соборного пения новым русским чудотворцам после 1547 г. уже не требовало соборного решения, а происходило постепенно, по мере продолжения агиографических и гимнографических трудов, в силу чего списка 1549 г. просто не существовало. Попытка середины XVI в. утвердить общероссийское почитание святых сверху не была в полной мере воспринята древнерусским сознанием. Таким образом, возведение современной практики канонизации посредством авторитета высшей церковной власти, которая сегодня представляется необходимой, к середине XVI в., оказывается несостоятельным. Традиция оказывалась более значимым авторитетом в русской культуре, чем попытки центральной власти унифицировать духовную жизнь средневековой Руси.

Якорь: #prim

1. Толстой М.В. Книга, глаголемая Описание о российских святых, где и в котором граде или области или монастыре или пустыни поживе и чудеса сотвори всякого чина святых. М., 1887; Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882; Леонид (Кавелин), архим. Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVII века), обще- и местночтимых, изложенных в таблицах с картою России и планом Киевских пещер: Справочная книга по русской агиографии. СПб., 1891; Дмитрий (Самбикин), архиеп. Месяцеслов святых, почитаемых всею русскою церковью или местночтимых, и указатель празднеств в честь икон божией матери и святых угодников божиих в нашем отечестве. Каменец-Подольский, 1892-1895; Филарет (Гумилевский), архиеп. Русские святые, чтимые всей церковью или местно. СПб., 1882; Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893; Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903; Никодим (Кононов), архим. К вопросу о канонизации святых в русской церкви. М., 1903; Ковалевский И.

- Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви: Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. М., 1902; Гордиенко Н.С. Православные святые: кто они? Л., 1973; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.) М., 1986; Канонизация святых. Поместный собор русской православной церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. Троице-Сергиева лавра, 6-9 июня 1988 года. М., 1988; Канонизация святых в XX веке. М., 1999; Андроник (Трубачев). Канонизация святых в русской православной церкви // Православная энциклопедия: Русская православная церковь. М., 2000. С. 346-371.
2. ПВЛ. С. 78. Иное мнение см.: Макарий (Веретеников), архим. Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение // Русская художественная культура XV-XVI веков: Материалы и исследования. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 1998. Т. 1. С. 5.
 3. Василий (Кривошеин), архиеп. Преподобный Симеон Новый Богослов. 949-1022. Париж, 1980. С. 47; о правах митрополитов см., в частности: Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви: История церкви в период вселенских соборов. М., 1994. Т. 3. С. 210-211.
 4. Макарий (Булгаков), митроп.. История русской церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 332, 333, 507, Примеч. 171.
 5. НПЛ. С. 420.
 6. Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 91-92.
 7. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 27-28, 382-383; ср. канонизацию св. Григория Паламы: Мейендорф И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение. СПб., 1997. С. 159-161.
 8. Макарий (Веретеников), архим. Макарьевские соборы. С. 5.
 9. Макарий (Веретеников), архим. Иконография митрополита Макария // Русское искусство позднего средневековья: XVI век. Тез. докл. междунар. конф. Москва, 12-14 января 2000 г. СПб., 2000. С. 44-45.
 10. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб. 1842. Т. IX. С. 27, Примеч. 19.
 11. ААЭ. М., 1836. Т. 1. С. 203-204.
 12. Филарет (Гумилевский), архиеп. История русской церкви: Период третий: От разделения митрополии до учреждения Патриаршества. 1410-1588. М., 1851. С. 201-205.
 13. Макарий (Булгаков), митроп. История русской церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 1. С. 119-120, 125.
 14. Там же. С. 123.
 15. Там же. С. 124. При этом митрополит ссылается на следующие издания: АИ. СПб., 1841-1842. Т. 1. С. 320, 331; на Стоглав в издании 1863 г. (С. 28-29), Никоновскую летопись (ПСРЛ. Т. 7. С. 133-134); Степенную книгу (Т. 2. С. 269-270), а также на

- «Описание» А.Х. Востокова (см.: Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. М., 1842. № 397. С. 592-604).
16. Макарий (Булгаков), митроп. Указ. соч. С. 33-34.
 17. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 222.
 18. Там же. С. 40, 273.
 19. Там же. С. 225. Однако неясно, о какой редакции говорит Ключевский, поскольку в опубликованном списке (приложение № 4 к его труду) эти святые значатся – см.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 462.
 20. Там же. С. 226-227.
 21. Там же. С. 229.
 22. Лебедев Н. Макарий, митрополит Всероссийский (1482-1563). М., 1877. С. I-II, Прилож.
 23. Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 176.
 24. Голубинский Е.Е. История канонизации. М., 1903. С. 90-91. Эти святые суть: княгиня Ольга, князь Владимир, Михаил и Феодор Черниговский, Феодор, Давид и Константин Ярославские, Леонтий, Исаия и Игнатий Ростовские, Антоний Печерский, Никита Переяславский, Варлаам Хутынский, Дмитрий Прилуцкий и Авраамий Ростовский.
 25. Там же. С. 99.
 26. Там же. С. 103.
 27. Макарий (Веретеников), архим. Макарьевские соборы. С. 5-22.
 28. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1993. С. 433.
 29. Хорошев А.С. Политическая история. С. 170.
 30. Kovalevsky P. Trois reformes liturgiques en Russie: 1551, 1620 et 1652 // Liturgie de l'Eglise particuliere et Liturgie de l'Eglise universelle. Roma. 1976. P. 196-198; Хроника православных церквей // ЖМП. 1976. № 2. С. 49.
 31. Макарий (Веретеников), архим. Макарьевские соборы. С. 12; Кунцевич Г.З. Подлинный список о новых чудотворцах к Феодосию, архиепископу Новограда и Пскова // ИОРЯС. 1910. Т. 15. Кн. 1. С. 252-257.
 32. ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Вып. 3. С. 619.
 33. Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Подгот. к изд. Н.Н. Покровский. М., 1971. С. 13; Веретеников П. Первосвятительская деятельность Макария, Митрополита Московского и всея Руси (+1563) // Вестник Русского западноевропейского экзархата. 1980-1981. № 105-108. С. 236-237, Примеч. 24.
 34. Макарий (Веретеников), архим. Макарьевские соборы. С. 17. Прилож. III.
 35. Клосс Б.М. Избранные труды. Т. II: Очерки по истории русской агиографии XIII-XVI вв. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001. С. 369. Вкладная запись Устава в «дом Успения Пречистой на Коломне» датируется 7056 г., а упоминаемый в записи «неподвижный архимандрит Феодор Спасский» отождествляется с неизвестным из источников настоятелем Спасо-Ефимиевского Суздальского монастыря. Он мог занимать настоятельский пост после 6

июля 7056 г., когда во главе монастыря еще стоял архимандрит Герман, и до 7057 (1548/1549) г., когда источники упоминают архимандритов Авраамия и Савву. Считаем необходимым отметить, что указание на «неподвижность» архимандрита должно восприниматься как указание на его болезнь ревматического характера, продолжительность которой нам не известна. Не исключено, что вкладчик был «недвижим» задолго до появления рукописи и ее дарения. В связи с этим настаивать исключительно на периоде времени после 6 июля 1548 г. как времени настоятельства Феодора Спасского в Суздальском монастыре не представляется возможным, как, впрочем и на факте его настоятельства именно в этой монашеской общине. Более того, вкладная запись указывает на 1547/1548 гг. как на время вклада рукописи, а не на время ее создания, и следовательно 7056 г., строго говоря, есть *terminus ante quem* для появления месящеслова, тем более, что сам Б.М. Клосс относит филигранный кодекс ко второй четверти XVI в.

36. Там же. С. 369.

37. Там же. С. 368-369.

38. Например: (РГИА. Ф. 834. Оп. 1. № 578, 580, 581, 584, 589, 595). См.: Никольский А.И. Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 1: Рукописи богослужебные. СПб., 1904. С. 165-166, 167-168, 173-175, 179-180, 180-183, 196-197.

39. Макарий (Веретенников), архим. Макарьевские соборы. С. 17, Прилож. III.

40. Стоглав / Изд. Д.Е. Кожанчикова. СПб., 1863. С. 37-38.

41. Там же. С. 37-38.

42. Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Л., 1973. С. 95-185; ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 37; Каган М.Д. Житие Макария Калязинского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. (вторая половина XIV-XVI вв.) Ч. 1: А-К. С. 293-296; Дмитриева Р.П. Досифей Топорков // Там же. С. 201-203; Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882. С. 13-32; Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1853. Собственно говоря, эксгумацию мощей Савватия в 1465 г. и перенесение их с берегов Выга в монастырь еще нельзя считать собственно «обретением мощей». Пожалуй, лишь с этого момента можно говорить о начале его почитания как святого: Житие и повесть об обретении мощей Арсения Тверского. СПб., 1791; Дмитриева Р.П. Феодосий // Словарь книжников и книжности. Вып. 2. Ч. 2: Л-Я. Л., 1988. С. 460-462; Прохоров Г.М. Пахомий Серб // Там же. С. 167; Лурье Я.С. Иннокентий // Словарь книжников и книжности. Вып. 2. Ч. 1. С. 404-405; Он же. Вассиан Санин // Там же. С. 125-126.

43. ААЭ. М., 1836. Т. 1. С. 203-204.

44. Там же.

45. Васильев В. История канонизации. С. 176, Ключевский В.О. Древнерусские жития. С. 223.
46. Макарий (Булгаков), митроп. История. Кн. 4. Ч. 1. С. 124; Ключевский В.О. Древнерусские жития. С. 223.
47. Хорошев А.С. Политическая история. С. 170-176.
48. ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 462; Т. 13. С. 144.
49. Там же. Т. 20. Ч. 2. С. 464; Т. 13. С. 146.
50. Там же. Т. 20. Ч. 2. С. 465; Т. 13. С. 147.
51. Там же. Т. 20. Ч. 2. С. 467; Т. 13. С. 149.
52. Там же. Т. 20. Ч. 2. С. 476; Т. 13. С. 194
53. Там же. Т. 20. Ч. 2. С. 506; Т. 13. С. 199.
54. Там же. Т. 3. С. 168, 172-173.
55. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 24.
56. Борисова Т.С. Вновь раскрытая икона обитель Зосимы и Савватия Соловецких с житием Савватия и Зосимы» из Успенского собора Московского кремля // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. СПб., 1997. С. 310-323; Соловьева И.Д. Икона «Александр Свирский в житии» в собрании Русского музея (к проблеме атрибуции) // Древнерусское искусство: Новые атрибуции. СПб., 1994. С. 39-46; Журавлева И.А. Образ Александра Свирского с житием и чудесами из Успенского собора Московского кремля // Русская художественная культура XV-XVI веков: Материалы и исследования. Государственный историко-культурный музей заповедник «Московский кремль». М., 1998. Т. 11. С. 118-144).
57. Об этом подробнее: Мусин А.Е. «Новые чудотворцы и проблема авторитета в культуре XVI в. // Русское искусство позднего средневековья. XVI век. С. 21-25; Он же. Соборы св. митрополита Макария 1547-1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI века // Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. (в печати). Пользуясь случаем, сердечно благодарю за дружескую помощь и научные консультации в этом вопросе А.С. Косцову (ГЭ), Н.В. Пивоварову и И.А. Шалину (ГРМ).